

МОРОЗОВА. ЗНАК О Р

КНИГА ВТОРАЯ

МЕРТВЫЕ
НЕ ЛГУТ

Ольга Ефимова

18+

Ольга Ефимова
Морозова. Знак Ф

«Автор»

2026

Ефимова О.

Морозова. Знак Ф / О. Ефимова — «Автор», 2026

«Её прошлое — это её смертный приговор. Её дочь — его новая жертва. Ей осталось тридцать дней, чтобы остановить культ, который тридцать лет плел свою паутину. 1995 год. Торжок. Маньяк-одиночка по прозвищу "Фармацевт" убивает девушек по одному и тому же сценарию. Варвара Морозова видит его лицо — но он исчезает, не оставив следов. Она бежит от боли и страха в Москву, хороня дело в архиве. 2026 год. Москва. На пустыре находят тело с буквой "Ф" на руке. Почерк до боли знаком. Но Варвара знает: маньяк не мог вернуться — он слишком стар. Это подражатель. Или кто-то, кто знает Фармацевта лично. Расследование оборачивается охотой на призрака. Варвара вскрывает архив, которого не существует. Находит учеников, о которых никто не знал. Сталкивается с культом, который готовился к возвращению все эти годы. Когда убийца начинает охоту за её дочерью, Варвара понимает — это война, где она либо найдёт его первой, либо потеряет всё».

© Ефимова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Город, который не прощает	7
Глава 2. Подвал, который помнит всё	11
Глава 3. Арест по правилам чужого города	14
Глава 4. Кровь на руках, правда, в крови	19
Глава 5. Глазами того, кто потерял всё	23
Глава 6. Вокзал последней надежды	26
Глава 7. Вокзал, который стал полем битвы	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ольга Ефимова

Морозова. Знак Ф

Пролог

Уральск, июль 1995 года

Город задышался от жары.

Дышать было нечем — комбинат дымил круглосуточно, и сера смешивалась с пылью, оседала на подоконниках, на листьях чахлых клёнов, на лицах прохожих. Река Серебрянка обмелела и пахла тиной. Даже вечером воздух не остывал — он стоял густой, тягучий, как патока, и каждый вдох был похож на глоток раскалённого песка.

Варваре Морозовой было двадцать.

Она стояла в подвале старого дома на улице Пролетарской, и её тошнило. Не от запаха — к трупному духу она уже привыкла за три месяца стажировки. Её тошнило от страха. Страх, что она пропустит что-то важное. Что начальник скажет «не лезь» в который раз. Что убийца уйдёт снова.

— Варя, ты чего застыла? — раздался голос её наставника, капитана Шилова. — Смотри, тут вещдоки.

Она перевела взгляд. Тело девушки лежало на бетонном полу, неестественно вывернутое, словно кукла, которую бросили в угол. Варвара знала её. Аню. Аня училась с ней в одном техникуме, ходила на танцы в ДК, всегда улыбалась. Теперь она не улыбалась. На её груди, аккуратно, почти хирургически, был вырезан знак. Буква «Ф».

— Фармацевт, — пробормотал Шилов, отворачиваясь. — Он уже четвёртую за месяц. Ублюдок.

Варвара приблизилась. Она заметила то, чего не заметил Шилов: на полу, в пыли, отчётливый след шины. Грузовик. Тяжёлый, с глубоким рисунком протектора. Она присела, провела пальцем по краю отпечатка. Ещё тёплый. Грузовик был здесь недавно.

— Товарищ капитан, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Тут след. Может, надо проверить автобазу? Они там грузовики ремонтируют, шины меняют...

Шилов обернулся, посмотрел на неё сверху вниз. У него были усталые, равнодушные глаза человека, который повидал слишком много трупов и слишком мало справедливости.

— Морозова, мы не будем проверять автобазу. У нас нет полномочий. И вообще, иди-ка ты наверх, посиди в машине. Ещё одна жертва, и мы все с ума сойдём.

— Но следы...

— Следы ничего не докажут. — Он махнул рукой. — Это дело нераскрываемое. Привыкай, Варя. Иногда лучше закрыть глаза, чем искать правду.

Она хотела возразить, но послушно пошла к лестнице. На верхней ступеньке она обернулась. Подвал уходил в темноту, и в дальнем конце — там, куда не дотягивался свет лампы — ей почудилась тень. Мальчик. Лет десяти. Он стоял и смотрел на неё. Просто стоял, не шевелился, не дышал, и в его глазах было что-то холодное, взрослое, чужое.

— Эй! — крикнула Варвара. — Ты кто?

Мальчик не ответил. Он исчез так же внезапно, как появился, — словно растворился в бетонных стенах. Варвара подошла к тому месту, но там была только пустота. И лёгкий запах солянки.

Она не пошла за ним. Она подчинилась. Она вышла из подвала, села в милицейский УАЗик и уставилась в окно на тёмное небо, на котором не было ни одной звезды.

Через месяц её подругу Катю нашли мёртвой в карьере за комбинатом. Тот же почерк. Та же буква «Ф». Варвара сидела в общежитии и смотрела на фотографию Кати, на которой они вдвоём смеялись, обнявшись, на фоне реки.

Она не плакала. Она уехала из Уральска на следующий день.

И больше не возвращалась тридцать лет.

Уральск, наши дни

Поезд замедлял ход. Варвара стояла у окна и смотрела, как плывут за стеклом серые пятиэтажки, заводские трубы, редкие огни.

Город не изменился. Тот же запах, те же дома, та же тоска. Только она сама изменилась. Волосы с сединой, морщины вокруг глаз, усталость в каждой кости. Но внутри, где-то глубоко, всё ещё сидел тот же страх — страх пропустить что-то важное.

Она вышла на перрон. Вокзал «Уральск-Пассажирский» стоял такой же старый, с чугунным кружевным навесом, с лужами на асфальте, с чайками, которые копошились у мусорных баков.

Сзади раздался знакомый голос:

— Ну что, Морозова, опять тянет на подвиги?

Она обернулась. Максим Шатунов стоял в проходе вагона, улыбался, хотя глаза были серьёзными.

— Ты зачем приехал? — спросила Варвара. — Я же сказала — сама.

— А я сказал — не лезь одна. — Он вышел, взял её сумку. — Тем более что здесь, говорят, тот самый почерк, из девяносто пятого. Ты ведь тоже помнишь.

Она ничего не ответила. Посмотрела на город — серый, холодный, неудобный — и ощутила, как внутри поднимается что-то давно забытое. Боль. Гнев. И странное облегчение: она здесь. Она вернулась.

— Помню, — наконец сказала она. — Я помню всё. И мальчика в подвале. Кажется, теперь я знаю, кто он.

Максим нахмурился:

— Ты уверена?

— Нет. Но скоро узнаю. — Она двинулась по перрону, навстречу городу, который хранил её тайны тридцать лет. — Поехали. Нас уже ждут. Мёртвые.

За их спинами вагоны вздохнули, и поезд тронулся дальше, унося с собой московскую суету. Уральск остался. Серый, стальной, вечный.

Глава 1. Город, который не прощает

Ночь в Уральске пахла железом и углём. Этот запах вползал в открытую форточку гостиничного номера, смешивался с дешёвым ароматизатором «Морской бриз» и превращался в тошнотворную смесь, которая не давала уснуть. Варвара лежала на жёсткой кровати, смотрела в потолок с трещиной, напоминавшей карту неведомой страны, и слушала, как за тонкой стеной храпит Максим. Он всегда храпел — ещё с тех времён, когда они вместе ночевали в машинах во время засад. Тридцать лет прошло, а он всё так же храпел, и это было единственным знакомым в этом чужом городе.

Она приехала вчера вечером. Заселилась в «Урал» — советский отель с тяжёлыми портьерами, продавленными креслами в холле и запахом нафталина, который, казалось, въелся в стены ещё при Брежневе. Администраторша, рыхлая женщина с золотым зубом, долго сверяла паспорт, подозрительно шурилась, но в итоге выдала ключ от номера 317 с напутствием: «Вода горячая только с шести утра, лифт не работает, а если что — не стучите, я не слышу». Варвара кивнула, взяла ключ и поднялась пешком. Третий этаж. Номер без кондиционера, с окном во двор и видом на мусорные баки. Она открыла форточку, и в комнату ворвался тот самый запах — железо, уголь, окалина.

Утром она проснулась от холода. Ветер переменился, и с комбината потянуло сыростью, предвестником дождя. Она натянула старый свитер — тот самый, из первой книги, подарок Максима, — и подошла к окну. Город просыпался медленно, нехотя, как пьяница после долгой попойки. Серые пятиэтажки лепились друг к другу, словно искали опору. За ними высились заводские трубы — три гигантских пальца, указывающих в небо, которое сегодня было цвета свинца. Где-то внизу затарахтел трамвай, разбудив дворнягу, которая принялась лениво лаять.

В дверь постучали — резко, три раза. Варвара открыла. На пороге стоял Максим, уже одетый, с кружкой горячего чая в руке.

— Держи, — сказал он, протягивая кружку. — Твой любимый, с бергамотом. Я нашёл внизу автомат, на удивление работает.

Варвара взяла чай, вдохнула пар. Запах бергамота перебивал железную горечь города.

— Ты не спишь? — спросила она.

— А ты? — усмехнулся Максим. — Ты всю ночь ворочалась. Я слышал, как ты скрипела кроватью. Думал, может, тебе приснилось что-то.

Варвара ничего не ответила. Ей действительно приснилась Катя. Подруга. Та, с буквой «Ф» на груди, которую нашли в карьере тридцать лет назад. В сне Варвара снова стояла у того самого подвала, и мальчик в темноте смотрел на неё, а потом заговорил. Он сказал: «Ты не зашла в ту комнату, Варя. А там была я». И Варвара проснулась в холодном поту.

— Не приснилось, — сказала она наконец. — Просто город такой. Всё напоминает.

Максим понимающе кивнул. Он не давил, не спрашивал. Он просто стоял рядом, пил свой чай и смотрел в окно на заводские трубы.

— Нам нужно в морг, — сказала она через минуту. — Я созвонилась с местным патологоанатомом. Бережной его фамилия. Он осматривал тело Ирины Беловой, журналистки.

— Я с тобой.

— Думаю, нам не рады. Местные не любят чужаков, особенно из СК.

— Тем более, — усмехнулся Максим, — с тобой скучно не бывает.

Они спустились вниз, вышли на улицу. Город встретил их сырым ветром, который бил в лицо колючими брызгами мелкого дождя. Варвара подняла воротник куртки, и они направились к остановке трамвая — морг находился на другом конце города, при городской больнице. Трамвай был старым, дребезжащим, с облезлыми сиденьями и кондукторшей, которая смотрела на них как на пришельцев. Варвара заплатила за двоих, села у окна. За стеклом про-

плывали серые кварталы — панельные девятиэтажки, заборы с колючей проволокой, редкие витрины с продуктами. Здесь всё было другим — более угрюмым, более замкнутым, чем в Зареченске. Здесь даже воздух казался тяжелее.

Они вышли на остановке «Больничный городок». Морг находился в отдельном кирпичном здании с решётками на окнах и табличкой «Судебно-медицинское отделение», под которой кто-то приписал мелом: «Не стучите — услышат мёртвые». Варвара усмехнулась — почерк был похож на тот, что в Зареченске. Она толкнула дверь.

Внутри пахло формалином и хлоркой. В коридоре было пусто, только в конце маячила фигура в белом халате. Мужчина лет шестидесяти, лысый, с кустистыми бровями и рукой, которая постоянно тянулась к пачке сигарет в кармане. Он увидел их и скривился:

— Морозова? — спросил он, не здороваясь.

— Она самая. А вы — Бережной?

— Я. — Он махнул рукой, приглашая следовать за ним. — Проходите, покажите, что вы там нарыли в своих московских архивах.

Они прошли в кабинет патологоанатома — маленькую комнату с заваленным бумагами столом, старым компьютером и портретом Чехова на стене. Бережной сел на вращающийся стул, закурил прямо в кабинете, выпуская дым в форточку.

— Ирина Белова, — начал он без предисловий. — Двадцать восемь лет, журналистка, работала на местный сайт «Уральский репортёр». Нашли вчера утром на набережной, за бетонными плитами. Один выстрел в затылок, калибр 9 мм, дистанция близкая. Но главное — на груди надрез. Буква «Ф». Я таких насмотрелся в девяносто пятом, когда работал в областном морге. Думал, что старый маньяк давно сдох. Ан нет.

— Вы уверены, что это тот же почерк? — спросила Варвара.

— Уверен. Я тогда вскрывал четырёх жертв. Та же длина надреза, тот же угол наклона, та же глубина. — Бережной затянулся, выпустил дым. — У нас говорят, что вернулся Фармацевт. Но Фармацевт-то, по документам, был Боцман. А он умер в 2000-м, я проверял. Значит, это кто-то другой. Может, подражатель. Может, ученик.

— Или сын, — тихо сказала Варвара.

Бережной поднял бровь:

— Вы знаете про сына?

— Я видела его. Тридцать лет назад. В подвале, где нашли четвёртую жертву. Там был мальчик лет десяти. Он смотрел на меня, и я отвернулась. Потом его отец, Боцман, умер. А мальчик вырос.

Бережной погасил сигарету, посмотрел на неё с новым интересом.

— Вы тогда были в Уральске? В девяносто пятом?

— Стажёром.

— И не сказали никому про мальчика?

— Сказала своему начальнику Шилову. Он велел молчать. Сказал, что это не имеет значения.

Бережной хмыкнул:

— Шилов был прав, если смотреть по-ихнему. Только вот мальчик, кажется, имел значение. — Он повернулся к столу, достал папку. — Я подготовил материалы по Беловой. Можете взять копии. Но предупреждаю: местная полиция не в восторге, что сюда приехали федералы. Майор Степанов — он сейчас начальник уральского уголовного розыска — уже звонил мне, интересовался, что вы тут делаете.

— Спасибо, я сама с ним поговорю, — сказала Варвара, забирая папку.

Она уже повернулась к выходу, когда Бережной окликнул:

— Морозова! Ещё кое-что. Там, на набережной, рядом с телом нашли флешку. Степанов забрал её в полицию. Я не видел, что на ней, но говорят, там видео. С вашим лицом. Аккурат,

как в том деле, тридцать лет назад, когда вы уехали, не раскрыв его. — Он усмехнулся беззлобно. — Похоже, кто-то хочет напомнить вам о прошлом.

Варвара замерла. Видео с её лицом. Как и в том деле, в Зареченске, когда она впервые столкнулась с запиской. Кто-то методично затягивает петлю вокруг неё.

— Я разберусь, — сказала она и вышла.

На улице ветер усилился. Дождь превратился в настоящий ливень, и Варвара с Максимом укрылись под козырьком больничного корпуса. Она стояла, сжимая папку с материалами, и чувствовала, как внутри нарастает то самое холодное волнение — предчувствие, что всё начинается заново. Только теперь она знала больше. Но и враг знал больше.

— Что дальше? — спросил Максим, стряхивая воду с куртки.

— Нам нужно в полицию. Поговорить со Степановым, увидеть флешку.

— Он нам не даст её просто так.

— Даст. Я скажу ему, что работаю по официальному запросу СК. Если он не глуп — он поймёт, что сопротивляться бесполезно.

Они поймали такси — местный «Жигуль» с водителем в спортивном костюме, который всю дорогу слушал шансон и поглядывал на Варвару в зеркало заднего вида. Город проплывал за окнами мутной серо-зелёной массой. Варвара думала о том, что тридцать лет назад она сбежала из Уральска, потому что не вынесла тяжести своей ошибки. Она не зашла в ту комнату. Не нашла мальчика. А мальчик вырос и, возможно, убивал всё это время.

Управление полиции размещалось в старом здании на улице Советской — трёхэтажном особняке с колоннами, обшарпанным фасадом и советским гербом над входом. Внутри пахло мокрой шерстью, пригоревшим кофе и казённой тоской. Дежурный, лейтенант с усиками, долго изучал их удостоверения, потом позвонил куда-то и сказал:

— Майор Степанов вас примет. Третий этаж, кабинет 312.

Они поднялись. Лестница скрипела под ногами. На третьем этаже было тихо, только где-то в конце коридора стучала пишущая машинка. Кабинет Степанова оказался безликим — стол, стулья, портрет президента, стеллажи с папками. Сам майор был подтянутым, седым мужчиной лет пятидесяти пяти с цепким взглядом и прищуром, который он, кажется, носил так же долго, как и свою форму.

— Морозова? — спросил он, не вставая. — Я слышал о вас. Громкие дела, репутация. Зачем приехали в нашу дыру?

— Я по делу Ирины Беловой, — сказала Варвара, садясь напротив без приглашения. — И ещё по делу 1995 года. Фармацевт. Я тогда была стажёром, и я видела мальчика, который мог быть сыном Боцмана. У нас есть основания считать, что убийца Беловой — он же.

Степанов помолчал, потом открыл ящик стола, достал прозрачный пакет с флешкой.

— Вы имеете в виду это? — Он положил флешку на стол. — Мы уже посмотрели. Там видео. Ваш портрет, Морозова. Вас кто-то снимал скрытой камерой в гостинице. Когда вы выходили из номера. Вы не заметили?

Варвара похолодела. Вчера вечером она выходила из номера в коридор — пить воду из кулера на этаже. Она не заметила камеры. Но кто-то снимал. Кто-то, кто был рядом.

— Вы установили, кто это сделал?

— Нет. Флешку нашли у тела Беловой. Может, она сама записала. Может, убийца оставил. — Степанов смотрел на неё без эмоций. — Я могу дать вам копию, но предупреждаю: если вы будете лезть не в свои дела, я попрошу вас покинуть Уральск. У нас свои порядки.

— Я работаю по поручению Следственного комитета, — ровно сказала Варвара. — Я не лезу в чужие дела. Я расследую убийство.

— Тогда расследуйте, но без самостоятельности. Мы здесь команда.

Варвара взяла флешку. Она знала, что Степанов не враг — он просто держит оборону. Но это не значило, что она будет с ним церемониться.

— Я хочу осмотреть место сегодня. На набережную.

— Там всё оцеплено, — сказал Степанов. — Но я могу выделить вам оперативника. Младшего лейтенанта, он знает район.

— Отлично.

Они вышли из кабинета. В коридоре их ждал молодой парень в форме с усами на петлицах — лейтенант Логинов, как он представился. Он вёл их к выходу, по пути рассказывая о городе:

— Набережная Серебрянки — там сейчас стройка, старый бетонный завод забросили, а плиты так и лежат. Белову нашли между ними, прямо у воды. Мы думали, она утонула, но потом увидели рану. А потом — ту букву.

Они вышли на улицу, дождь уже стихал. Логинов подогнал служебную «Ниву», и они поехали к реке. По дороге Варвара разглядывала город. Уральск казался ей ещё более мрачным, чем вчера — даже деревья, растущие вдоль дороги, были какими-то скрюченными, обгоревшими. Город, который не прощает слабости.

На набережной их встретил ветер с реки — холодный, пронизывающий. Серебрянка была мутной, быстрой, и вода лизала бетонные плиты, оставшиеся от старого завода. Место, где нашли тело, было огорожено жёлтой лентой. Варвара перешагнула через неё, подошла к бетонной плите. На земле был меловой контур тела, следы обуви — и странный отпечаток шины, старый, почти стёртый, но с характерным рисунком протектора. Она присела и провела пальцем по краю отпечатка.

Такой же, как тогда, в подвале в 1995.

Она поднялась и почувствовала, что за ней наблюдают. Она обернулась — никого. Только чайки, кружащие над рекой. И вдруг она заметила в щели между плитами что-то белое — сложенный лист бумаги, засунутый в трещину. Она вытащила его, развернула. На бумаге было написано каллиграфическим почерком:

«Ты вернулась, Варя. Я ждал тебя. Ты забыла мальчика, но он не забыл тебя. У тебя есть время до заката, чтобы вспомнить, что ты видела в том подвале. Если нет — Алиса умрёт. Ты ведь помнишь Катю? Она не дождалась. Не повторяй ошибок».

Варвара сжала бумагу в кулаке. Максим подошёл ближе, прочитал через плечо:

— Господи... Он знает про Алису. Он здесь.

— Он всегда был здесь, — глухо сказала Варвара. — Он ждал меня тридцать лет. И теперь он хочет не просто убивать. Он хочет, чтобы я признала свою вину. Я должна была зайти в ту комнату. Я должна была найти его тогда. Я не сделала этого. И теперь он убьёт мою дочь.

Она смотрела на реку, на серое небо, на город, который не прощает ошибок. И впервые за долгое время она почувствовала, что может не успеть.

— Мы найдём его, — сказал Максим. — Мы найдём его раньше.

Но Варвара знала — это не просто расследование. Это игра, в которой ставка — жизнь её дочери. И она не может позволить себе проиграть.

Она повернулась к Логинову:

— У вас есть информация о человеке по имени Сергей Боцман? Он работал на автобазе №7, водитель.

Лейтенант побледнел:

— Боцман? Это же старый маньяк, его отец был Боцман. Но Сергей... он умер в прошлом году. Нашли его грузовик у реки, он утонул, пьяный был.

Варвара замерла. Сергей Боцман — мёртв? Тогда кто оставил записку? Кто убивает сейчас?

Она сунула бумагу в карман и сказала:

— Веди меня на автобазу. Немедленно.

Глава 2. Подвал, который помнит всё

Автобаза №7 встретила их тишиной.

Той особенной тишиной, которая бывает только на местах, где недавно горело. Запах гари въелся в бетон, в стены, в землю. Варвара вышла из «Нивы» и остановилась у обгоревших ворот. Они ещё дымились, хотя дождь уже почти прекратился. Ключья чёрного пепла плавали в лужах, смешиваясь с грязью. Где-то вдалеке выла сирена — скорее привычный городской шум, чем реакция на пожар.

— Ни хрена себе, — присвистнул Логинов, выбираясь из машины. — Здесь же всё сгорело. Вчера вечером ещё стояло.

— Вчера я сюда приезжала, — сказала Варвара. — Разговаривала со сторожем Митяем. Дед Митяй, он здесь работал лет тридцать. Где он сейчас?

Логинов пожал плечами, но уже бежал в сторону обгоревшего вагончика, где жил сторож. Дверь была открыта, внутри чернота. Он заглянул, покачал головой:

— Пусто. Никого.

Максим обошёл территорию, остановился у груды металлолома, которая когда-то была гаражом.

— Кто-то поджёт целенаправленно, — сказал он, присев и осматривая обгоревшие стены. — Следы горючей смеси, она разлита ровными полосами. Это не случайность.

Варвара подошла к воротам, где ещё вчера стоял грузовик Сергея. Теперь от него остался только каркас, чёрный остов, похожий на скелет доисторического животного. Она провела пальцем по краю обгоревшего металла. Под пальцами осталась сажа. И что-то ещё — влажное, липкое.

Она нагнулась, присмотрелась. На земле, под кабиной, лежал клочок бумаги. Такой же, как на набережной. Она подняла его — он был мокрым, но буквы читались.

«Ты думала, что найдёшь его здесь. Но он не здесь. Ты ищешь там, где я был, а я там, где ты не была. Подвал, Варя. Ты помнишь дорогу? Я жду».

Варвара сжала бумагу, поднялась. Лицо её было белым, но глаза горели.

— Сожгли всё, чтобы замести следы, — сказала она. — Уничтожили грузовик, документы, машину Сергея. Если Сергей и был жив, сейчас он или мёртв, или бежал. Но записка — для меня. Он хочет, чтобы я пришла в тот подвал.

— В подвал на Пролетарской? — спросил Максим, подходя ближе. — Тот самый, где ты была в 95-м?

— Да. Тот самый.

Максим посмотрел на неё, потом на обгоревшую автобазу. Губы его сжались в тонкую линию:

— Это ловушка, Варя. Он заманивает тебя туда, и ты это знаешь.

— Я знаю. Поэтому я пойду одна.

— Нет.

— Я сказала — одна, — повторила Варвара, и в голосе её сталь прорезалась явственнее, чем когда-либо. — Он хочет меня. Если я приду с тобой или с полицией, он не покажется. Или Алиса погибнет. Ты же видел записку — у нас есть время до заката.

— Тогда я буду ждать снаружи, — сказал Максим, и в его глазах застыла решимость. — Если ты не выйдешь через час, я вышибу дверь и вытащу тебя оттуда.

Варвара кивнула. Она не спорила — Максим был ей нужен, но нужен был как страховка. Тот, кто вытащит её из огня, если она ошибётся.

Она повернулась к Логинову, который всё ещё стоял у вагончика:

— Вы знаете, где дом на Пролетарской? Там подвал, где в 95-м нашли тела.

Лейтенант побледнел:

— Знаю. Это дом №17, он сейчас заброшен. Местные туда не ходят — говорят, там призраки.

— Призраки меня не пугают, — сказала Варвара. — Поехали.

Они оставили автобазу, поехали в старый район, через железнодорожные пути, мимо бетонных заборов, мимо заброшенных цехов. Варвара смотрела в окно и чувствовала, как время сжимается. Каждая минута была на вес золота. В голове крутилась мысль: «Кто он? Если Сергей мёртв, кто тогда убивает? Кто знает о подвале? Кто помнит мальчика?» Ответа не было.

Машина остановилась у дома №17. Это была старая двухэтажка, полуразрушенная, с выбитыми окнами и облупившейся штукатуркой. На фасаде висела табличка «Пролетарская, 17», но буквы выцвели, почти стёрлись. Дом был словно вырезан из другого времени. Он стоял в тени старых тополей, и даже днём здесь царил полумрак.

Варвара вышла. Ветер стих, но воздух стал тяжёлым, словно перед грозой. Она подошла к входу в подвал — металлическая дверь, обитая листами ржавого железа, была приоткрыта. Внутри чернел провал, и оттуда тянуло сыростью, плесенью и ещё чем-то — сладковатым, тошнотворным.

— Я буду здесь, — сказал Максим, положив руку на кобуру. — Час. Не больше.

Варвара кивнула и шагнула в темноту.

Лестница была крутой, скользкой. Ступени бетонные, покрытые слоем грязи и пыли. Каждый шаг отзывался в груди, как удар. Внизу горела тусклая лампочка — она висела на проводе, едва освещая пространство. Варвара спустилась до конца, огляделась.

Подвал не изменился. Те же сырые стены, тот же бетонный пол, те же старые ящики в углу. Только запах стал гуще — теперь к плесени прибавился запах бензина и мазута. Как будто здесь недавно работали. Она прошла вперёд, к той самой дальней комнате, куда тридцать лет назад не зашла. Дверь в неё была открыта — теперь, в отличие от 1995 года, её не закрывали.

Варвара остановилась у входа. Сердце колотилось, но она заставила себя дышать ровно. Она шагнула через порог.

Комната была небольшой, квадратной, с бетонными стенами и зарешечённым окном под самым потолком. В центре стоял старый стул. На стуле сидел человек.

Мужчина лет пятидесяти. Невысокий, в потёртой кожаной куртке, с седыми висками и лицом, которое казалось одновременно знакомым и чужим. Он смотрел на Варвару без страха, почти с любопытством. На коленях у него лежал старый альбом — тот самый, который она видела в подвале в 1995, когда альбом принадлежал мальчику.

— Ты пришла, — сказал он спокойно, даже приветливо. — Я знал, что ты придёшь.

— Кто ты? — спросила Варвара, держа руку на кобуре.

— Ты меня не узнаёшь? — Он усмехнулся, покачал головой. — Ты видела меня в этом подвале. Ты смотрела на меня, но не зашла. А потом ты уехала. А я остался.

Он поднял альбом, открыл его на первой странице. Там была фотография — та самая Катя. Подруга Варвары. Улыбающаяся, живая.

— Ты знал Катю? — спросила Варвара, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— Я любил её, — сказал мужчина. — Я был мальчиком, когда увидел её впервые. Она приходила на автобазу с отцом. Она была добрая, она улыбалась мне. А потом её убили. Мой отец. Он убил её, потому что она видела то, что не должна была видеть. А ты не спасла её. Ты не зашла в эту комнату, где я прятался. Если бы ты зашла, ты нашла бы меня, и я рассказал бы тебе про отца. Но ты ушла.

Варвара молчала. Она вспомнила тот день — вспомнила, как ей показалось, что в углу кто-то есть. Она почти пошла туда. Но Шилов позвал её, и она отвернулась.

— Я просил тебя, — продолжал мужчина, — просил мысленно: «Загляни сюда, загляни!» Но ты не заглянула. Ты предпочла не видеть. Ты уехала, и я остался один. Отец продолжал

убивать. Я стал помогать ему. Он сказал, что так я стану мужчиной. Но я ненавидел его. И я ненавидел тебя.

— Ты убил Ирину Белову? — спросила Варвара.

— Нет. Ирину убил не я. — Он покачал головой. — Я только хотел, чтобы ты пришла. Чтобы ты поняла, какую ошибку совершила. Но Ирину... её убили другие. Те, кто был связан с фондом. И теперь они хотят, чтобы ты думала, что это я.

Варвара напряглась:

— Кто?

— Те, кто заказывал. Те, кто давал деньги отцу. Те, кто продолжает убивать до сих пор. — Он закрыл альбом. — Я знаю их имена. Я готов рассказать тебе. Но только если ты согласишься выслушать меня до конца. Всю правду.

Варвара опустила руку с кобуры. Она не знала, верить ему или нет. Но перед ней сидел человек, который нёс в себе тридцать лет боли, и это боль делала его не врагом, а свидетелем.

— Я слушаю, — сказала она, садясь на другой стул, стоящий у стены.

И мужчина начал рассказывать.

Он рассказал, как его отец, Боцман, был всего лишь водителем — но он возил грузы для людей, которые платили ему за молчание. Эти люди были связаны с фондом «Надежда», с клиникой, с чиновниками. Они использовали бездомных, детей из детдомов для экспериментов. А когда жертвы пытались говорить, их убивали. Боцман был палачом, а его сын — свидетелем и соучастником. А потом отец умер, и сын остался один. Он хотел уйти, но его удерживали шантажом, угрожали ему. И он продолжал молчать.

— Но я больше не могу молчать, — сказал он. — Они убили Ирину, потому что она почти раскрыла их. Они подставили меня, сожгли автобазу. Они хотят, чтобы ты охотилась за мной. Но настоящий убийца — тот, кто даёт деньги. Главный врач клиники. Его зовут Яковлев. Он в Москве, но у него есть офис и в Уральске. Это он заказал Белову. И он хотел, чтобы ты думала, что я — убийца.

Варвара смотрела на него. В его глазах не было лжи — только усталость.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Сергей, — сказал он. — Сергей Боцман. Я не умер. Я инсценировал свою смерть, чтобы они оставили меня в покое. Но они нашли меня и сожгли автобазу. Теперь я здесь, и я готов говорить. Только защити меня.

Варвара кивнула. Она поняла, что это не конец расследования, а только начало. И что в этом деле переплетены старые грехи, новые убийства и тени прошлого, которые не хотят уходить.

Она встала, протянула ему руку:

— Пойдём. Я отведу тебя в безопасное место. И мы начнём расследование заново.

Сергей взял её руку, поднялся. Он смотрел на неё с благодарностью — и с надеждой.

И когда они уже выходили из подвала, Варвара услышала, как наверху закричал Максим:

— Варя! Скорее! Здесь полиция! И они не одни!

Она выбежала наверх. У подъезда стояли машины, и вооружённые люди в чёрном окружили здание. Среди них она узнала Степанова. Но рядом с ним стоял незнакомый мужчина в дорогом пальто — с холодным взглядом и уверенной улыбкой.

— Морозова, — сказал Степанов, — вы арестованы за сокрытие улик и препятствие следствию. Сдайте оружие.

Варвара замерла, держась за руку Сергея.

Она поняла: игра только началась, и ставки стали выше.

Глава 3. Арест по правилам чужого города

Варвара не опустила руку.

Она стояла у входа в подвал, сжимая запястье Сергея, и смотрела на вооружённых людей в чёрном. Их было шестеро, может, восемь — она не считала. Они держали автоматы наизготовку, но целились не в неё. Они целились в пространство вокруг неё, в воздух, в темноту подвала за её спиной. Степанов стоял впереди, правая рука на кобуре, левая — в кармане брюк. Рядом с ним — незнакомец в дорогом пальто. Высокий, седой, с перстнем на безымянном пальце и улыбкой, которая не касалась глаз. Его лицо казалось вылепленным из воска — гладкое, без единой морщины, но под этим воском чувствовалась сталь.

— Я сказал: сдайте оружие, Морозова, — повторил Степанов, но голос его дрогнул. Он явно был не в своей тарелке. — Вы арестованы за сокрытие улик и препятствование следствию. Это официальный приказ.

— Чей приказ? — спросила Варвара, не двигаясь с места.

— Мой, — ответил незнакомец в пальто, делая шаг вперёд. Он говорил с лёгкой картавостью, которая выдавала в нём человека из другого региона, а возможно, и другого времени. — Меня зовут Пётр Ильич Яковлев. Я — главный врач фонда «Надежда», и я уполномочен представлять интересы клиники и её пациентов. Вы, майор Морозова, проникли на частную территорию, вступили в контакт с опасным преступником, и теперь будете отвечать по закону.

Варвара посмотрела на него. Яковлев. Тот самый. Тот, кого упоминал Сергей в подвале — главный врач, организатор экспериментов, тот, кто заказал убийство Беловой и держал Сергея на привязи тридцать лет. Он был здесь, в центре Уральска, в дорогом пальто, с улыбкой на лице и с толпой вооружённых людей за спиной. Он пришёл не за Сергеем — он пришёл за ней.

— Я действую по поручению Следственного комитета, — сказала Варвара, стараясь говорить ровно. — В моих руках — свидетель, который даёт показания по делу об убийстве Ирины Беловой. Вы не имеете права его задерживать.

— Вы не имеете права укрывать преступника, — парировал Яковлев. — Этот человек, — он кивнул на Сергея, — подозревается в серии убийств, включая убийство Беловой. Его должны были арестовать ещё вчера. Но вы, вместо того чтобы сообщить о нём, укрыли его в подвале и пытались вывезти с места преступления.

Варвара усмехнулась — невесело, по-волчьи.

— Вы знаете, Пётр Ильич, я всю жизнь работаю с трупами. Но я не работаю с такими фальшивками, как ваше лицо. Вы не врач. Вы — палач. И я докажу это, даже если вы сейчас пристрелите меня на месте.

Яковлев улыбнулся шире — в его глазах промелькнул ледяной блеск.

— Вы слишком много смотрите американских сериалов, майор. В реальной жизни всё проще: вы либо подчиняетесь, либо у вас забирают лицензию. Или дочь. — Он наклонился ближе, понизил голос. — Алиса, кажется? Учится в Москве. Очень талантливая девушка. У неё хорошее будущее. Хотите, чтобы оно не оборвалось?

Варвара почувствовала, как в груди сжался ледяной ком. Она ничего не ответила. Она просто смотрела на него и думала о том, что если сейчас сдастся, они не тронут Алису — но тогда она никогда не сможет защитить её. Если же она начнёт стрелять, они убьют её, а Алиса останется без защиты. Выхода не было.

— Хорошо, — сказала она, медленно расстёгивая кобуру и доставая пистолет. — Я сдаюсь. Но свидетель остаётся со мной. Он даст показания в Следственном комитете.

— Свидетель будет изолирован, — ответил Яковлев. — Для его же безопасности.

Варвара передала пистолет Степанову. Тот взял его с неловкостью, не глядя ей в глаза. Остальные оперативники шагнули вперёд, один из них скрутил Сергею руки, другой надел

на него наручники. Сергей не сопротивлялся. Он просто смотрел на Варвару с выражением обречённости.

— Ты обещала, — сказал он тихо. — Ты обещала защитить меня.

— Я обещала, — ответила Варвара, глядя на Яковлева. — И я сдержу слово. Даже если для этого мне придётся пройти через ад.

Яковлев рассмеялся — сухо, без тепла:

— Вы уже в аду, майор. Добро пожаловать в Уральск.

Он развернулся и пошёл к чёрному джипу, стоявшему у дороги. Степанов махнул рукой, и Варвару повели в другую машину — обычный полицейский УАЗ. Максим шёл рядом, его лицо было серым, но он молчал — он знал, что любое слово только ухудшит ситуацию.

Перед тем как сесть в машину, Варвара обернулась и посмотрела на подвал. Ей показалось, что из тёмного проёма на неё смотрит тот самый мальчик — из 1995 года. Но он исчез, как только она моргнула.

Отделение полиции встретило её запахом хлорки и сигаретного дыма. Её привели в кабинет Степанова, сняли наручники, но не выпустили. Степанов сидел за столом, перебирал бумаги, не поднимая глаз. Он выглядел как человек, который сделал выбор и теперь сам себя за это презирает.

— Ты знаешь, что он делал, — сказала Варвара, садясь на стул. — Ты знаешь про клинику, про фонд, про Яковлева. Ты знаешь, что он заказал Белову. Зачем ты прикрываешь его?

Степанов поднял глаза. Они были красными от недосыпа, но острыми.

— Ты думаешь, я прикрываю его? — спросил он тихо. — Я — пешка, Морозова. У меня семья, дети. Он пришёл ко мне вчера и сказал: "Либо ты делаешь то, что я говорю, либо твой сын потеряет стипендию, а жена — работу. Или что-то похуже". У меня нет выбора.

— Выбор всегда есть, — сказала Варвара, наклоняясь к нему. — Ты можешь дать мне позвонить в Москву, в СК. Я вызову подкрепление, и мы вытащим и тебя, и Сергея, и твою семью.

— Ты не понимаешь, — Степанов покачал головой. — Яковлев не один. За ним стоят люди, которые контролируют всё: мэрию, областную прокуратуру, местных судей. Если я сделаю шаг в сторону, меня сметут. И тебя — вместе со мной.

— Тогда просто дай мне доступ к компьютеру. Я напишу письмо Игнату Верещагину. Он — прокурор в Москве, он поможет.

Степанов помедлил, потом кивнул:

— Через час. Сейчас тебе нужно переждать. Тебя переведут в изолятор временного содержания до решения суда. Я не могу нарушать процедуру.

— А Сергей? Где он?

— Его увезли в клинику. Яковлев утверждает, что он психически болен и нуждается в лечении. Это предлог, чтобы изолировать его.

Варвара сжала кулаки. Она знала, что если Яковлев получит Сергея в свои руки, тот не проживёт и дня. Ей нужно было действовать быстро.

— Степанов, — сказала она, — ты должен помочь мне выйти отсюда. Хотя бы на час. Я не прошу тебя нарушать закон. Я прошу тебя дать мне шанс спасти человека. И твою собственную душу.

Степанов долго смотрел на неё, потом вздохнул:

— В моём кабинете есть чёрный ход. Он ведёт на задний двор. Оттуда можно выйти к реке. У тебя будет полтора часа. Если ты не вернёшься к допросу, меня уволят.

— Вернусь, — сказала Варвара.

Через пятнадцать минут она уже стояла на берегу Серебрянки, сжимая в руке телефон, который Степанов дал ей на время. Она набрала Игната.

— Верещагин, это Морозова. У меня проблемы.

— Я знаю, — ответил он сухо. — Мне уже доложили о вашем аресте. Что происходит?

— Я нашла свидетеля, который может дать показания против Яковлева и его клиники. Но его изолировали в клинику, и он в опасности. Мне нужно подкрепление. Официальное.

— Я не могу просто так прислать группу захвата в Уральск, — сказал Игнат. — Нужны основания. Ты говоришь, что есть свидетель — но я не могу подтвердить его слова.

— Тогда пришли Максима. Он сейчас на свободе. Пусть он вывезет Сергея из клиники, пока Яковлев не уничтожил его.

Игнат помолчал, потом сказал:

— Я свяжусь с начальником местного управления МВД. Скажу, что это операция по линии прокуратуры. Максим будет действовать как мой представитель. У него есть час, чтобы вывезти свидетеля. Если не успеет — мы теряем всё.

— Успеет, — сказала Варвара. — Дай мне его номер.

Она сбросила звонок, набрала Максима. Тот ответил сразу:

— Я уже знаю. Игнат звонил. Я еду к клинике, у меня есть координаты.

— Будь осторожен, — сказала Варвара. — Яковлев не дурак, он поставит охрану.

— Я справлюсь. Ты возвращайся в отдел и жди моего звонка.

— Макс, — сказала она, — если что-то пойдёт не так...

— Не пойдёт, — перебил он. — Я не дам ему умереть. Я не дам умереть никому из нас.

Он отключился. Варвара стояла на берегу, смотрела на тёмную воду и думала о том, что Алиса сейчас в Москве, не подозревая о том, что творится здесь. Она должна была позвонить ей, но не могла — ей было страшно. Страшно, что она услышит в голосе дочери страх, и тогда сломается.

Она убрала телефон, глубоко вздохнула и направилась обратно в отдел, оставляя за спиной реку и тени прошлого, которые плыли по ней, как обрывки старых писем.

Когда она вернулась в кабинет Степанова, тот уже ждал её с чашкой кофе.

— Твой друг ушёл на задание, — сказал он, протягивая ей кружку. — Я позволил ему взять машину и карту. Но я не знаю, что он там найдёт.

— Он найдёт правду, — сказала Варвара, принимая кофе. — Или погибнет, пытаясь её найти. Но он никогда не сдаётся.

Она села на стул, сделала глоток. Кофе был горьким, почти противным, но он согревал.

В дверь постучали — резко, настойчиво. Вошёл лейтенант Логинов, бледный, с перекошенным лицом.

— Товарищ майор, — сказал он, обращаясь к Степанову, — там... поступило сообщение. На набережной опять нашли тело. Девушка. Та же буква «Ф».

Варвара встала, поставила кружку.

— Кто это?

— Мы пока не установили, — сказал Логинов, глядя на неё с тревогой. — Но нам позвонили с телефона, который зарегистрирован на имя Алисы Морозовой. Твоей дочери.

Варвара почувствовала, как земля уходит из-под ног.

— Нет, — прошептала она. — Это не она. Это ловушка.

Она рванулась к двери, но Степанов схватил её за руку:

— Стой! Ты не можешь выйти без приказа. Ты под арестом!

— Тогда отпусти меня, — сказала она, вырывая руку. — Или я выйду, и ты будешь отвечать за то, что не остановил меня.

Она выбежала из кабинета, сбежала по лестнице, вылетела на улицу. В лицо ударил холодный ветер. Она поймала такси и крикнула:

— На набережную! Быстрее!

Машина рванула с места. Варвара сидела на заднем сиденье, сжимая в руке телефон, и молилась, чтобы Алиса была жива. Чтобы это была ошибка. Чтобы она не опоздала.

На набережной уже стояли полицейские машины. Жёлтая лента ограждала место происшествия. Варвара выбежала из машины, прорвалась через оцепление, оттолкнув одного из оперативников. Тело лежало у бетонных плит, укрытое простынёй. Рядом стоял патологоанатом Бережной — он уже был здесь.

— Морозова, — сказал он, когда она подбежала. — Я знал, что ты придёшь. Но я должен тебя предупредить: это не твоя дочь. Это другая девушка.

Варвара опустилась на колени, откинула простыню. Незнакомое лицо. Молодая, лет двадцати, тёмные волосы, испуганные глаза, застывшие навсегда. На груди — та же буква «Ф». Рядом лежал телефон. Варвара взяла его, поднесла к глазам. На экране было открыто сообщение: «Варя, это тебе. Ты не спасла Катю, не спасла Сергея, не спасёшь и эту. Если хочешь узнать, где твоя дочь — приходи в подвал на Пролетарской. Одна. Через час».

Варвара сжала телефон, поднялась.

— Бережной, — сказала она. — Я иду в подвал. Если я не вернусь через час — передай это Игнату Верещагину в Москву. — Она сунула ему в руки флешку — ту самую, которую нашла у тела Ирины. — Там всё. Доказательства против Яковлева и его людей.

Бережной взял флешку, кивнул:

— Иди, Варя. Я задержу их здесь. Но помни: у тебя есть только один шанс.

Варвара развернулась и побежала к старому дому на Пролетарской. Город снова сжимался вокруг неё, как тиски. Она знала, что идёт в западню. Но Алиса была там, и она не могла оставить её.

Подвал встретил её той же темнотой, что и час назад. Только теперь там пахло не плесенью, а кровью. Она спустилась по лестнице, осторожно ступая. В центре комнаты стоял стул. На стуле сидела Алиса — связанная, с кляпом во рту, но живая. В её глазах был страх и одновременно уверенность, что мать придёт.

Рядом с ней стоял человек. Не Сергей. Не Яковлев. Тот самый, кого Варвара видела в подвале в 1995, — мальчик, который вырос. Только теперь он был не мальчиком. Он был мужчиной с седыми висками и холодными глазами, в которых Варвара вдруг узнала черты... самой себя.

— Ты пришла, — сказал он.

— Кто ты? — спросила Варвара, чувствуя, как внутри всё обрывается.

— Я — тот, кого ты должна была найти. — Он подошёл к Алисе, положил руку ей на плечо. — Я — твой сын.

Варвара замерла. Весь мир остановился.

— У меня нет сына, — сказала она, чувствуя, как голос становится чужим.

— Есть, — сказал он, и в его голосе звучала боль. — Я родился в 1985 году. Ты родила меня, когда тебе было семнадцать. И отдала в детский дом. Ты думала, что я умер. Но я выжил. Меня усыновил Боцман. Он дал мне имя Сергей.

Варвара почувствовала, как пол уходит из-под ног. Она схватилась за стену, чтобы не упасть.

— Нет, — прошептала она. — Это не может быть правдой.

— Правда, мама, — сказал он, и в его голосе звучала горечь. — Я не убивал. Я хотел, чтобы ты нашла меня. Я оставлял тебе записки, фотографии. Ты искала мальчика, который был в подвале — но ты не искала меня. Своего сына.

Он шагнул к ней. Варвара не двигалась. Она смотрела на него — на свои глаза в его лице, на свою боль в его руках.

— Я хочу, чтобы ты знала, — сказал он. — Я не убивал. Но я знаю, кто убивал. И я помогу тебе. Если ты простишь меня.

Варвара протянула руку, коснулась его щеки.

— Ты — мой сын, — сказала она. — Я никогда не прощу себе того, что сделала. Но я сделаю всё, чтобы защитить тебя.

Он опустился на колени, заплакал. Алиса освободилась от пут и подошла к матери, обняла её. И трое — мать, дочь и сын — стояли в старом подвале, который тридцать лет хранил их секреты.

А где-то наверху, в городе, который не прощает, начиналась новая ночь.

Глава 4. Кровь на руках, правда, в крови

Они стояли втроём в сыром полумраке подвала, и время вокруг них словно остановилось. Варвара держала Сергея за плечи, вглядывалась в его лицо — в свои собственные глаза, в линию скул, в нервный изгиб губ. Она искала подтверждение тому, что он сказал. И находила его в каждой чёточке.

— Я родила тебя в восемьдесят пятом, — прошептала она, и голос её сорвался. — Мне было семнадцать. Я была глупой девчонкой, я не могла... я отдала тебя в дом малютки. Мне сказали, что ты умер. Что у тебя была какая-то болезнь, что ты не выжил. Я поверила. Я не искала тебя. Я струсила.

Сергей покачал головой, и на его губах появилась горькая, кривая усмешка:

— Ты не струсила, мама. Тебе солгали. Меня забрал Боцман. Он работал в том детском доме, когда приезжал за грузом. Он увидел меня и сказал: «Мальчик — крепкий, я возьму его». Ему нужен был помощник. Сын. Продолжатель дела.

Варвара почувствовала, как её тошнит. Она с трудом подавила рвотный позыв, сжала зубы.

— Он тебя... он учил тебя убивать.

— Он учил меня выживать, — поправил Сергей, и в его голосе зазвенела сталь. — Он был жестоким, мама. Но он был единственным, кто дал мне имя. Я вырос в его тени, я возил его грузы, я смотрел, как он убивает. А потом я начал убивать сам. Потому что думал, что так я становлюсь сильным. Что так я заслуживаю его любовь.

Алиса стояла рядом, прижимаясь к матери. Она слышала каждое слово и чувствовала, как земля уходит из-под ног. Всё, что она знала о своей семье, о своей матери, о своём прошлом — всё это рушилось в один момент. Она хотела что-то сказать, но не могла. Только сжимала руку Варвары и слушала.

— Но потом я понял, — продолжил Сергей, глядя в пустоту перед собой, — что я не хочу быть таким. Я начал сопротивляться. Я хотел найти тебя. Я хотел, чтобы ты узнала меня. Я оставлял тебе записки, зная, что однажды ты вернёшься. Я убивал только тех, кто мешал мне найти правду. Тех, кто работал на Яковлева.

Варвара выдохнула, перевела дыхание:

— Сергей... ты ведь не убил Ирину?

— Нет. Ирину убили люди Яковлева. Она докопалась до клиники, до экспериментов, до того, как они использовали детей. Яковлев запаниковал и приказал убрать её. Я узнал об этом и оставил записку у тела, чтобы ты нашла меня. Я хотел, чтобы ты пришла в подвал. Я хотел всё тебе рассказать. Но Яковлев опередил меня.

Варвара отпустила его плечи, отошла на шаг, провела рукой по лицу. Она чувствовала себя разбитой, пустой. Столько лет она искала правду о гибели Кати, о маньяке, о том, что произошло в девяносто пятом. А правда оказалась в том, что её собственный сын стоял рядом и видел всё. Что она могла спасти его, если бы зашла тогда в эту чёртову комнату.

— Я знаю, что чувствуешь, — сказал Сергей, словно прочитав её мысли. — Ты винишь себя. Не надо. Мы не можем изменить прошлое. Но мы можем изменить настоящее. Яковлев должен ответить. Он контролирует всё: полицию, мэрию, прокуратуру. Но у тебя есть связи в Москве, у тебя есть дочь, которая может найти доказательства. Мы можем остановить его.

Варвара снова посмотрела на него. В его глазах была искренность. Он хотел искупить свою вину. Он хотел быть лучше.

— Что нам делать? — спросила она, возвращаясь к реальности. — Сейчас Яковлев думает, что я арестована, а ты изолирован в клинике. У нас есть преимущество — он не знает,

что мы вместе. Мы должны найти доказательства его причастности к убийству Беловой. И к смерти других детей.

— Я знаю, где он хранит документы, — сказал Сергей. — В его офисе на улице Мира, в доме номер десять. Там сейф, который он использует для отчётности перед своими «партнёрами». Если мы достанем их, мы сможем разоблачить его перед Москвой.

— Тогда идём, — сказала Варвара. — Времени мало.

Она повернулась к выходу, но Алиса остановила её:

— Мам, подожди. Там люди Яковлева. Они могут быть снаружи. Нам нужен план.

— У нас есть план, — сказал Сергей. — Я знаю другой выход. Из подвала есть туннель, он ведёт к старому канализационному коллектору. Мы можем выйти в районе завода, а оттуда добраться до офиса через гараж, который Яковлев не контролирует.

Варвара кивнула:

— Веди.

Они спустились глубже, в самую дальнюю комнату подвала, ту самую, куда Варвара тридцать лет назад не вошла. За ржавым железным шкафом открывался лаз в бетонную трубу. Пахло сыростью, плесенью и ещё чем-то металлическим. Сергей зажёл старый фонарь и первым полез внутрь. Варвара следовала за ним, Алиса замыкала.

Коллектор был узким, едва можно было развернуться. Вода хлюпала под ногами, стены покрывала слизь. Варвара чувствовала, как холод проникает в кости, но она не останавливалась. Она думала о том, что у неё есть шанс всё исправить. У неё есть сын, и она не позволит ему умереть. У неё есть дочь, и она не позволит ей пострадать.

Они шли почти десять минут, пока Сергей не остановился у ржавой решётки, ведущей наверх.

— Здесь выход, — сказал он. — Мы в гараже Яковлева. Он хранит здесь старые машины, но сейчас никого нет.

Он отодвинул решётку, и они выбрались наружу. В лицо ударил свежий воздух — они были на заднем дворе старого здания, окружённого бетонным забором. Вокруг ни души.

— Офис Яковлева в трёх кварталах отсюда, — сказал Сергей. — Нам нужно идти через дворы.

Они прошли через гаражи, мимо заброшенных машин. Варвара чувствовала, как напряжение растёт с каждым шагом. Где-то далеко слышались голоса, но они были слишком далеко. Она достала телефон — связи не было, но часы показывали, что время почти истекло. Если они не успеют, Яковлев уничтожит все доказательства, и они потеряют единственный шанс.

— Там, — сказал Сергей, указывая на здание старого торгового центра. — Офис на втором этаже.

Они подошли к зданию. Вход был заперт, но Сергей вытащил из кармана отмычку и открыл дверь за несколько секунд. Внутри пахло запустением и пылью. Кабинет Яковлева был небольшим, но очень дорогим — деревянные панели, дорогая мебель, огромный компьютер. В углу стоял сейф — старый, но надёжный.

— Код знает только Яковлев, — сказал Сергей. — Но я знаю, как его взломать.

Он присел, начал возиться с замком. Варвара и Алиса стояли на страже, прислушиваясь к каждому звуку.

— Быстрее, — прошептала Варвара.

Сергей, не оборачиваясь, уже вводил последние цифры. Сейф щёлкнул. Он открыл дверцу, вытащил папки, документы, флешки — всё это сложил на стол.

— Это всё, — сказал он. — В отчётах указаны все операции, имена тех, кто участвовал в экспериментах, и фамилии погибших. А ещё — переписка Яковлева с людьми из мэрии и прокуратуры. Если это опубликовать, они все сядут. Включая самого Яковлева.

Варвара взяла папки, сунула их в сумку. Она уже повернулась к выходу, когда услышала шаги на лестнице.

— Уходим, — прошептала она.

Они выскочили из кабинета, побежали к чёрному входу. Шаги слышались уже совсем рядом. Они выскочили на улицу, вбежали в тёмную подворотню. Сзади загремело — кто-то преследовал их.

— Сюда! — крикнул Сергей.

Они забежали в старый двор, окружённый высокими домами. Варвара оглянулась — за ними гнались трое мужчин в чёрном. Один из них выхватил пистолет, и пуля просвистела у самого виска. Она пригнулась, увлекая за собой Алису. Сергей остановился на мгновение, и в его руке появился пистолет — откуда он его взял, Варвара не заметила.

— Бегите! — закричал он. — Я их задержу!

— Нет! — крикнула Варвара. — Мы вместе!

— Мама, беги! Ради всего святого! Ты должна доставить эти документы в Москву!

Он выстрелил, и один из преследователей упал. Двое других залегли. Сергей побежал в другую сторону, отвлекая их на себя. Варвара схватила Алису за руку и побежала в противоположную сторону. Она слышала выстрелы, крики, но не оборачивалась. Она бежала до тех пор, пока не скрылась в лабиринте дворов, забитых гаражами и мусорными баками.

Они остановились у старой трансформаторной будки. Варвара прислонилась к стене, дышала тяжело. Она держала сумку с документами, как держат самое ценное.

— Мама, — прошептала Алиса, — а Сергей? Что с ним?

— Он жив, — сказала Варвара, но сама не верила в свои слова. — Он должен быть жив.

Она набрала номер Игната. Ответил после первого гудка:

— Морозова? Где ты? Что происходит?

— У меня есть доказательства против Яковлева. Я нахожусь в Уральске, в старом районе. Мне нужна защита. И мне нужен доступ к компьютеру — чтобы переслать документы в Москву.

— Я отправлю к тебе группу, — сказал Игнат. — Дай координаты.

— Нет, — сказала Варвара. — Сначала я перешлю документы. Если я их отдам сейчас, их могут перехватить. Дай мне прямой канал.

Она продиктовала адрес электронной почты, который дала ей Алиса. Алиса уже подключилась к её ноутбуку через телефон и начала сканировать страницу за страницей.

— Есть, — сказала она через две минуты. — Отправлено. Все файлы ушли на сервер в Москве.

Варвара выдохнула. Она сделала это. Доказательства теперь в безопасности.

Но где-то в глубине души она знала, что это только начало. Яковлев не сдастся так просто. И её сын — он всё ещё в опасности.

Алиса посмотрела на мать, затем на телефон. Она что-то увидела на экране — и вдруг побледнела.

— Мама, — сказала она, — мне только что пришло сообщение. С того номера, который звонил с тела Беловой. На нём записано видео. Там Сергей. Он в подвале. И он не один.

Варвара взяла телефон, посмотрела на экран. На видео был Сергей — связанный, избитый, но живой. Рядом с ним стоял человек, которого она узнала. Это был Степанов. Начальник уральской полиции. Тот самый, кто арестовал её, кто дал ей чёрный ход, кто предал всех.

Степанов смотрел прямо в камеру, улыбался и говорил:

— Ты думала, Морозова, что я на твоей стороне? Ты ошиблась. Я работаю на Яковлева. И я никогда не позволю, чтобы твой сын уничтожил всё, что мы построили.

Видео оборвалось.

Алиса смотрела на Варвару с ужасом. А Варвара сжала телефон в руке, чувствуя, как мир рушится.

— Мы найдём его, — сказала она, — и мы спасём его. Даже если для этого нам придётся пройти через весь этот проклятый город.

Она поднялась, взяла сумку с документами. В глазах застыла стальная решимость.

Она больше не могла ждать. И она больше не могла терять.

Глава 5. Глазами того, кто потерял всё

Варвара смотрела на экран телефона, где застыло лицо Степанова. Она не чувствовала гнева. Не чувствовала страха. Только холод, который разливался по телу, как речная вода в ноябре. Она знала, что нужно действовать, но сначала должна была перевести дыхание. Всего несколько секунд.

— Мам, — сказала Алиса, и голос её дрожал, — что мы будем делать?

Варвара убрала телефон в карман, подняла сумку с документами на плечо. Она посмотрела на дочь, такую же испуганную, как когда-то была сама — тридцать лет назад, в этом же городе, у того же подвала. Но в глазах Алисы, кроме страха, горела решимость. Она была готова идти до конца, и это наполнило Варвару силой.

— Мы сделаем то, что должны, — сказала она. — Мы вернёмся в тот подвал. Мы вытащим Сергея. А потом мы уйдём отсюда, и этот город никогда больше не увидит нас.

— Но там Степанов. И его люди. Они будут ждать нас. Это ловушка.

— Значит, мы превратим их ловушку в их могилу, — жёстко сказала Варвара. — У нас есть доказательства. У нас есть связь с Москвой. Они не смогут нас остановить, если мы будем действовать быстро.

Алиса кивнула, но в её взгляде промелькнула тень сомнения:

— А Максим? Он должен быть здесь. Мы должны позвать его на помощь.

Варвара набрала номер Максима. Трубку сняли после третьего гудка.

— Варя? — голос Максима звучал глухо, но напряжённо. Он был в движении — слышался шум ветра и шаги. — Я уже еду к вам. Мне сообщили, что случилось.

— Степанов предал нас, Макс. Он взял Сергея. Они в подвале на Пролетарской. Я иду туда. Если я не выйду через час, отправляй все доказательства в Москву, а потом забирай Алису и уезжай.

— Нет, — сказал он твёрдо. — Я не оставляю тебя одну. Я буду у подвала через пятнадцать минут. Подожди меня.

— Я не могу ждать, — сказала Варвара. — Каждая минута — это жизнь Сергея. Я иду сейчас.

Она отключилась, повернулась к Алисе:

— Ты останешься здесь. В этом дворе. Никуда не выходи, пока я не вернусь.

— Мама, нет, — Алиса схватила её за руку. — Я не могу сидеть здесь, пока ты идёшь в западню. Я с тобой.

— Лис, это не обсуждается. Ты — моя страховка. Если я не вернусь, ты передашь эти документы Игнату и расскажешь всё, что знаешь. Ты поняла меня?

Алиса хотела возразить, но увидела глаза матери — и поняла, что спорить бесполезно. Она обняла её, крепко, почти до боли:

— Возвращайся, мама. Обещай мне.

— Обещаю, — сказала Варвара, чувствуя, как слова застревают в горле.

Она развернулась и вышла со двора, оставляя дочь в тени старой трансформаторной будки, сжимающую в руках папку с документами, которая могла изменить всё.

Улицы Уральска были пустыми, словно город замер в ожидании грозы. Варвара шла быстро, почти бежала, но при этом старалась не привлекать внимания. Она знала, что её могут увидеть, что Степанов мог расставить людей по всему маршруту, но она не могла позволить себе остановиться.

Дом на Пролетарской вырос перед ней через десять минут — старый, заброшенный, такой же мрачный, как и в её памяти. На этот раз у входа стояли две чёрные машины, и у

дверей подвала маячила фигура с автоматом. Варвара замедлила шаг, затаилась за углом. Она не могла войти через главный вход. Нужно было обойти здание.

Она двинулась вдоль стены, стараясь ступать бесшумно. На заднем дворе был второй вход — ржавая металлическая дверь, ведущая в тот самый коллектор, по которому они бежали час назад. Она прислушалась: внутри было тихо. Она толкнула дверь — она оказалась не заперта.

Внутри пахло сыростью и мазутом. Она прошла по туннелю, держась за стену, и через несколько минут оказалась в знакомом подвале. Её шаги отдавались гулко. В центре комнаты горела лампочка, и при её свете она увидела Сергея. Он был привязан к старому стулу, его лицо было в крови, но глаза — открытыми, живыми, готовыми бороться.

Он увидел её, и по губам скользнула слабая улыбка.

— Я знал, что ты придёшь, — сказал он.

— Где Степанов? — спросила Варвара.

— Он ждёт тебя. Он знает, что ты придёшь.

Голос раздался сзади — и Варвара резко обернулась. Степанов стоял в дверях с пистолетом в руке, и на его лице была улыбка, которая совсем не вязалась с его возрастом и должностью.

— Ты думала, что сможешь переиграть меня, Морозова? Ты слишком самоуверенна.

Варвара медленно подняла руки, показывая, что не собирается сопротивляться:

— Зачем ты это делаешь? Я знаю, что ты работаешь на Яковлева, но ты же не убийца.

Ты — полицейский.

Степанов усмехнулся:

— Полицейский? Я был полицейским, когда Яковлев спас мою дочь от рака. Ты не знаешь, что такое быть отцом, чей ребёнок умирает. Он заплатил за её лечение, и он заплатил за мою верность. Я его человек, Морозова. И я не позволю, чтобы ты разрушила то, что он построил.

— Он построил смерть, Степанов. Он убивал детей, чтобы зарабатывать деньги. Ты знаешь это. Ты видел это. И ты закрываешь на это глаза, потому что тебе удобно.

Степанов помолчал. В его глазах промелькнула тень сомнения, но он быстро подавил её.

— Хватит, — сказал он резко. — Ты и твой сын сейчас умрёте. А потом я найду твою дочь и уничтожу все документы. Это конец, Морозова.

Варвара смотрела на него, и внутри неё нарастала не холодная ярость — она подступила огнём к горлу.

— Ты думаешь, что если убьёшь меня, всё закончится? — спросила она. — У меня есть человек в Москве, который уже знает всё. Документы отправлены в Москву, и даже если ты убьёшь меня, они всё равно всплывут. Яковлев сядет. И ты сядешь вместе с ним. Ты выбрал не ту сторону, Степанов. И ты проиграл.

Степанов дрогнул. Его рука с пистолетом качнулась, и в этот момент Сергей, собрав остатки сил, резко дёрнулся, опрокинув стул. Степанов отвлёкся, и этого мгновения хватило — Варвара выхватила пистолет, который держала в заднем кармане, и нажала на спуск. Пуля прошла в миллиметре от плеча Степанова, и он отшатнулся, прижимаясь к стене.

— Стой, — сказала она, целясь ему в голову. — Брось оружие.

Степанов медленно положил пистолет на пол. Варвара подошла к нему, пнула оружие в угол, затем подошла к Сергею и начала развязывать верёвки.

— Ты не сможешь выбраться отсюда, — сказал Степанов. — Весь квартал оцеплен.

— Мы попробуем, — ответила она, освобождая Сергея. — Вставай, сын. Мы уходим.

Сергей поднялся. Он шатался, но стоял. Его глаза смотрели на Степанова с презрением и жалостью.

— Ты знаешь, что все они предадут тебя, — сказал он. — Яковлев избавится от тебя, как только ты перестанешь быть ему нужен.

Степанов не ответил. Он стоял, опустив голову, и молчал.

Варвара связала его тем же шнуром, которым был привязан Сергей, и они двинулись к выходу. Когда они оказались на улице, она сразу поняла, что Степанов не врал — двор был оцеплен людьми в чёрном.

Но в этот момент раздался шум и выстрелы с другой стороны — показалась машина Максима, которая сбила двух охранников и врезалась в забор.

— Садитесь! — крикнул он, распахивая дверь.

Варвара и Сергей нырнули в машину, и Максим дал газу. Пули свистели над головой, стекло разбилось, но они уже вырывались в темноту улиц Уральска, мимо серых пятиэтажек и раскисших дорог.

В машине было тихо. Сергей смотрел в окно, а Варвара чувствовала, как в её руке дрожит телефон. На экране появилось новое сообщение. Она открыла его.

Там было написано:

«Морозова, ты выиграла этот раунд. Но игра ещё не закончена. Завтра в 8 утра я буду на вокзале. Приходи одна. Если ты хочешь, чтобы Алиса осталась жива — ты придёшь. Если нет — она умрёт в 9 утра. Выбирай».

Внизу стояла подпись: «Яковлев».

Варвара замерла. Она не могла поверить, что Яковлев проник в Москву. Она не могла поверить, что Алиса, которую она оставила в том дворе, снова в опасности. Она набрала номер дочери, но тот был недоступен.

— Он её забрал, — прошептала она, обращаясь в пустоту. — Он забрал мою дочь.

Максим и Сергей смотрели на неё, но никто не мог произнести ни слова.

Город приближался, холодный и безразличный, и внутри Варвары поднималась буря.

Глава 6. Вокзал последней надежды

Машина неслась по пустынным ночным улицам Уральска, и Варвара смотрела в разбитое окно на проплывающие огни. Они были жёлтыми, тусклыми, как глаза старого пса. Город просыпаться не собирался — он дышал тяжело, как больной, и каждый его выдох отдавался в груди Варвары тупой болью.

Она держала телефон в руке, сжимая его так, что побелели костяшки. Сообщение Яковлева горело на экране, впиваясь в сознание каждой буквой: «Завтра в 8 утра я буду на вокзале. Приходи одна. Если ты хочешь, чтобы Алиса осталась жива — ты придёшь. Если нет — она умрёт в 9 утра. Выбирай».

— Варя, — сказал Максим, не отрывая глаз от дороги, — мы должны позвонить в Москву. Игнат может прислать группу захвата.

— Нет, — ответила она, и голос её был глухим, словно она говорила из глубокого колодца. — Если он увидит хоть одного человека в форме — он убьёт её. Я пойду одна.

— Это самоубийство, — сказал Сергей с заднего сиденья. Он держался за плечо, из которого всё ещё сочилась кровь, но смотрел на мать с той же упрямой решимостью, которую она узнавала в себе. — Он не отпустит её, даже если ты выполнишь все его условия.

— Я знаю, — ответила Варвара. — Поэтому я пойду не сдаваться. Я пойду забрать её. И если мне придётся убить его — я убью.

Она повернулась к нему, и в её глазах он увидел не отчаяние — сталь. Ту самую сталь, которую он чувствовал в ней тридцать лет назад, когда она стояла у подвала и смотрела на мальчика, которого могла спасти.

— Ты должен отлечься, — сказала она Сергею. — Макс, найди место, где мы сможем спрятаться до утра. У нас есть несколько часов.

Максим свернул в старый промышленный район, в лабиринт заброшенных цехов и складов. Машина остановилась у одного из них — огромного ангара с прорванной крышей. Внутри пахло ржавчиной и временем.

Они вошли внутрь. Варвара помогла Сергею сесть на старые ящики, осмотрела его рану — пуля прошла навывлет, но кровь уже почти остановилась.

— Ты будешь жить, — сказала она.

— Я знаю, — ответил он, глядя на неё с той же болью, которую она видела в подвале. — Но ты, мама... ты не должна идти одна. Я пойду с тобой.

— Нет, — сказала она. — Ты — единственный свидетель, который может дать показания против Яковлева. Если я не вернусь — ты должен выжить и рассказать всё в Москве. Это твой шанс искупить вину. Ты понял меня?

Сергей хотел возразить, но она не дала ему сказать ни слова. Она подошла к нему, положила руку на его плечо — там, где была рана, но он даже не поморщился.

— Я не искала тебя тридцать лет, — сказала она. — Но теперь я нашла. И я не собираюсь терять тебя снова. Оставайся здесь и жди Максима. Он тебя не бросит.

Она повернулась и вышла из ангара, оставляя их в темноте. Максим догнал её, схватил за руку:

— Варя, ты не представляешь, что тебя ждёт. Он готовится к встрече. Он выставит людей, он будет держать Алису на прицеле. Ты не сможешь её спасти в одиночку.

— Тогда иди со мной, — сказала она. — Но на расстоянии. Не показывайся. Если я подам знак — ты выходишь и берёшь его.

Максим кивнул, и они двинулись обратно в город — к вокзалу, который должен был стать местом их последней битвы.

Утро пришло серым и холодным. Небо над Уральском нависало свинцовой крышей, и мелкий дождь начал накрапывать, как только Варвара вышла из машины у вокзала. Она смотрела на здание, которое давно потеряло свою былую красоту: колонны облупились, стекла были грязными, и лишь старые часы на фасаде продолжали тикать, отсчитывая минуты, которых оставалось всё меньше.

Она вошла внутрь. Вокзал был почти пустым: несколько пассажиров, охранник, продащица в киоске с бутербродами, пахнувшими прокисшим маслом. Варвара прошла в центр зала, остановилась у колонны. Она ждала.

Ровно в восемь раздался звонок на её телефоне.

— Ты пришла, — голос Яковлева был спокойным, почти ласковым. — Молодец. Я знал, что ты не подведёшь. Поднимись на второй этаж, к камерам хранения. Там есть кабинет начальника станции. Я жду тебя.

Она двинулась по лестнице, чувствуя, как сердце колотится в груди. На втором этаже было темно, лишь одна лампа горела под потолком. Дверь в кабинет была приоткрыта. Она толкнула её и вошла.

Яковлев сидел за столом, сложив руки на столешнице. Напротив него стоял стул, на котором лежал чёрный кейс. Он улыбнулся, когда она вошла, и указал на стул:

— Садись, Морозова. Нам нужно поговорить.

— Где моя дочь? — спросила Варвара, не двигаясь с места.

— Она в безопасности, — ответил Яковлев. — Если ты сделаешь то, что я скажу, она будет жить. Ты получишь её назад, и мы никогда больше не встретимся. Но если ты будешь упрямиться... — он развёл руками, — сам понимаешь.

Варвара медленно села на стул, положив руки на колени. Она чувствовала, как под курткой у неё лежит пистолет, но не решалась достать его — она знала, что у него тоже есть оружие.

— Что ты хочешь? — спросила она.

— Я хочу, чтобы ты исчезла, — сказал он. — Ты и твой сын. Вы уедете из Уральска, из России. Я дам вам новые документы, деньги, билеты. Я больше никогда не увижу вас, и вы никогда не увидите меня. Доказательства, которые вы отправили в Москву — они исчезнут. Я уже позаботился об этом. Ты проиграла, Морозова. Но я даю тебе шанс спасти свою дочь.

Она смотрела на него, чувствуя, как внутри закипает гнев. Но она не могла позволить ему увидеть это — она держала лицо каменным.

— Ты думаешь, я поверю тебе? — спросила она. — Ты убил Ирину Белову. Ты убивал детей. Ты не человек, Яковлев. Ты — чудовище.

Он улыбнулся, и в его глазах мелькнул холодный огонь:

— Я — тот, кто спасает жизни, Морозова. Я создал клинику, которая лечит неизлечимых. Да, я делаю это незаконно. Но я делаю это ради науки. Ради будущего. Ты не понимаешь меня, потому что ты не видишь дальше своего носа.

— Ты не спасаешь жизни, — сказала она. — Ты убиваешь детей и называешь это исследованием. Ты — палач, и ты будешь отвечать за свои преступления.

Она встала, резко, и он тоже встал, его рука потянулась к карману. Но она была быстрее — она выхватила пистолет и направила его ему в грудь.

— Где моя дочь? — спросила она, и в её голосе не было страха — только гнев.

— Она в моём офисе, — сказал он, поднимая руки. — Но если ты убьёшь меня, ты никогда её не найдёшь. Мои люди приказано убить её, если я не выйду через час. Ты не успеешь.

Варвара колебалась. Она знала, что он может лгать, но не могла рисковать. Она опустила пистолет, но не убрала его.

— Хорошо, — сказала она, медленно садясь обратно на стул. — Дай мне билеты. Я уеду. Но ты отпустишь мою дочь сейчас же.

Он улыбнулся шире, довольный своей победой:

— Умная женщина. Я всегда это ценил.

Он открыл кейс, достал билеты и паспорта на её имя и имя Сергея. Они были поддельными, но выглядели настоящими. Он протянул их ей, и она взяла их, чувствуя, как бумага прожигает пальцы.

— Ты получишь свою дочь на вокзале через час, — сказал Яковлев. — Она будет ждать тебя у платформы номер три. А теперь — уходи.

Варвара медленно поднялась, всё ещё держа в руке пистолет. Она отошла к двери, остановилась на мгновение:

— Яковлев, — сказала она, — когда-нибудь ты заплатишь за всё. Может, не сегодня. Но ты заплатишь.

Она вышла, оставляя его в кабинете, чувствуя, как гнев и страх борются внутри неё. Она вышла на перрон, туда, где в сером утреннем свете стоял пустой состав, и она знала, что она ещё поборется.

Она прошла к платформе номер три. Там никого не было. Только тени, отбрасываемые фонарями. Она ждала, сжимая билеты в руках, и чувствовала, как минуты ползут, как часы тают.

Через десять минут она услышала шаги. Они приближались сзади, медленные и уверенные. Она обернулась, и в тусклом свете фонаря увидела Алису. Она была жива — бледная, уставшая, но живая. В её руках не было ничего, только залитый слезами телефон.

— Мама, — прошептала Алиса, и Варвара почувствовала, как её сердце успокаивается.

— Всё хорошо, — сказала она, обнимая дочь. — Всё хорошо, я здесь. Мы уходим.

Но, обняв дочь, она почувствовала, как та напряглась.

— Мама, он сказал, что если мы не уедем, он убьёт тебя. Это ловушка.

Варвара поняла: она не может уехать. Она не может оставить Уральск, пока Яковлев жив. Она посмотрела в сторону вокзала и поняла, что это её последний шанс — остановить его раз и навсегда.

— Мы не поедем, — сказала она, глядя на дочь. — Мы останемся и закончим это.

Алиса посмотрела на неё, и в её глазах зажглась надежда.

Но за их спинами уже раздавались шаги — вооружённые люди Яковлева начали окружать вокзал.

И Варвара поняла, что её бой только начинается.

Глава 7. Вокзал, который стал полем битвы

Шаги приближались.

Их было много — четыре, может, пять пар ног, и они шли с разных сторон, отсекая пути к отступлению. Варвара слышала это всем телом, как слышат опасность только те, кто провёл годы в оперативных засадах и перестрелках. Каждый звук был как удар метронома, отсчитывающий секунды до того момента, когда её мир снова рухнет.

Она схватила Алису за руку и рванула к ближайшей колонне. За их спинами просвистела пуля — не в них, а предупредительная, чтобы остановить бегство. Но Варвара знала: если она остановится — они умрут.

— Беги к выходу на задний перрон! — крикнула она, не оборачиваясь. — Там поезда, там можно укрыться!

— Но ты! — закричала Алиса.

— Я задержу их. Максим уже близко, он не даст мне умереть!

Алиса колебалась всего секунду — она увидела в глазах матери ту самую сталь, которую узнавала с детства, и поняла, что спорить бессмысленно. Она развернулась и побежала в сторону заднего перрона, скрываясь за колоннами и скамейками. Варвара выхватила пистолет, выстрелила дважды в сторону преследователей, заставляя их залечь. Один из них вскрикнул — пуля задела плечо. Она не ждала, пока они опомнятся, и нырнула за багажный тележку.

Пули застучали по металлу, выбивая искры. Варвара перекаtilась, выстрелила на звук, заставив их пригнуться. Она знала, что не выиграет эту перестрелку в одиночку — она должна выиграть время.

В этот момент со стороны входа прогремел взрыв — не мощный, но достаточный, чтобы вызвать панику. Посыпалась штукатурка, завывала сигнализация. Варвара подняла голову и увидела Максима — он пробился через главный вестибюль, отстреливаясь от охранников Яковлева. За ним бежал Сергей, сжимая в руке трофейный автомат. Они шли прямо на них, и каждый их шаг был шагом к свободе.

— Варя, мы здесь! — крикнул Максим, и его голос перекрыл грохот.

Варвара выскочила из укрытия, побежала к ним. Мимо неё пролетела пуля, задев край куртки. Она не остановилась. Через пять секунд она уже была рядом с Максимом, и он прикрыл её огнём, оттесняя преследователей за колонны.

— Где Алиса? — спросил он.

— На заднем перроне. Мы должны её найти.

— Сергей, прикрой нас! — приказал Максим.

Сергей кивнул, занял позицию у входа на перрон и начал стрелять короткими очередями, заставляя людей Яковлева держаться подальше. Варвара и Максим побежали вдоль поездов, ища Алису. Она была где-то там, в серой мгле.

Через минуту они увидели её — она стояла у вагона, держа в руках пустой ящик из-под инструментов, который отбивалась от подбегающего к ней человека в чёрном. Варвара выстрелила в воздух, и нападающий отшатнулся. Она подбежала к дочери, схватила её за руку, притянула к себе:

— Всё хорошо. Мы вместе.

Алиса дрожала, но держалась. Она посмотрела на мать, и в её глазах была благодарность и ярость:

— Яковлев здесь. Он в кабинете на втором этаже. Он ждёт тебя.

— Мы не пойдём к нему, — сказала Варвара. — Мы уходим. Через задний выход. Там машина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.